

НЕЖИТЬ

ДИТЯ ИЗ ЛЕСА

МАРИЯ АРТЕМЬЕВА

Мария Артемьева
Нежить. Дитя из леса

«Автор»

2026

Артемьева М. Г.

Нежить. Дитя из леса / М. Г. Артемьева — «Автор», 2026

Загадочная смерть родителей стала причиной детской травмы Дины Зайцевой. Однако девушка не сдается: она строит успешную карьеру в Москве. Но однажды счастливая и спокойная жизнь летит под откос: болезнь любимой тети, когда-то заменившей Дине мать, заставляет девушку вернуться в покинутый ею родной город. Так желание спасти близкого человека оборачивается ловушкой. Город, знакомый с детства, на поверку оказывается полон странных и непонятных вещей, пугающих людей и событий. Все происходящее в Судожи зыбко, туманно, чувство тревоги растет с каждым днем, но откуда грозит беда, Дина не понимает. Прошрое полно тайн, а дом предков источник смертельной опасности. Кому довериться, на кого положиться? И может ли Дина доверять самой себе?

© Артемьева М. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Дитя из леса	6
Глава 1. Авария	7
Глава 2. Зайка	13
Глава 3. Вестник	24
Глава 4. Следы	28
Глава 5. Любим	32
Глава 6. Кто идет по пустой лестнице?	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мария Артемьева

Нежить. Дитя из леса

«Чаю воскрешения мертвых и жизни будущего века».

Символ веры.

Часть 1. Дитя из леса

«Все живое противится смерти».

Глава 1. Авария

Зима. 2001 год. Ноябрь.

Детская фигурка возникла на дороге внезапно и будто ниоткуда.

– Сергей! – страшно закричала жена, сидевшая рядом. Откинувшись всем корпусом назад, Анна схватилась руками за переднюю панель, судорожно отталкивая ногами пол, словно надеялась собственным телом задержать несущуюся на ребенка железную махину.

Сергей Михайлович дернулся. Пытаясь избежать столкновения, вывернул руль вправо, до предела утопив тормоз. Удивиться не успел – тело само действовало, подчиняясь навыку и врожденным инстинктам. Машину потащило юзом на обочину.

«Дитя из леса, – в унисон визгу тормозов пролетела мысль в голове Сергея Михайловича. – Он из лесу вышел... был сильный...»

Подсознание выкинуло на поверхность стихи, которые юный Сергей Зайцев безуспешно зубрил в 5 классе. Почему именно их? Потому что вокруг был глухой лес. На сто километров вокруг – елки да сосны, покрытые серебристым с прозеленью мхом. Буреломы, непролазные овраги, клюквенные болота – и ни одной деревни поблизости. Ни села, ни фермерского хутора, ни домика лесника.

Сергей Михайлович хорошо знал эти места и дорогу – если б не колдобины и ямы на давно не чиненном асфальтовом полотне, автолюбители могли бы носиться здесь с крейсерской скоростью без опасения сбить кого-то покрупнее зайца или лисы.

Раз в неделю пузатый рейсовый автобус пробирался в Судожь из районного центра и, может быть, два-три трака, груженные еловыми бревнами, вывозили заказанный товар с местной лесопилки.

Но пешеходы? Ни грибники, ни охотники не забредали сюда – к чему? На кой забираться так далеко, ежели все, что им нужно, есть на расстоянии вытянутой руки от собственного дома. И вдруг – ребенок.

Лет четырех. Наверное, девочка. Бледная и худая. Чумазая мордашка промелькнула в лобовом стекле, когда машина вылетала на обочину. Супруги успели испугаться за жизнь ребенка, но рассмотреть лицо – нет.

Взметнув в воздух тучу снега, перед кюветом Ниссан удержался. Двигатель его заглох, и автомобиль повис на самом краю.

Сергей Михайлович выдохнул, уронив голову на руль. Но тут же повернулся к жене:

– Как ты, Ань?

Анна Александровна глянула на мужа круглыми глазами. Губы ее дрожали, а на побелевшем лбу вдруг проступили старческие пигментные пятна, похожие на окисления на откушенном яблоке.

– Де... девочка, Сережа... Где? Она жи... жи...

Она не договорила – губы свело нервной судорогой, глаза наполнились слезами.

– Послушай, я уверен... Я думаю... С ней всё в порядке.

Сергей Михайлович ни в чём не был уверен. Надо выбраться из машины и осмотреться. Но руки и ноги тряслись так, что он боялся: как бы не рухнуть. Он открыл ветровое стекло и в машину ворвался холодный воздух, пахнувший снегом и хвоей.

Анна взяла его за руку. Супруги застыли, вслушиваясь, прильнув друг к другу, пытаясь ободрить и поддержать. Страшная, ничем не нарушаемая тишина заливала уши, заставляла кровь сильнее стучать в висках. И вдруг...

– Дя...дька-ааа, – раздалось совсем рядом. И сразу вслед за тем что-то со скрежетом проехало по железной двери Ниссана. Словно гвоздем царапнули.

Супруги вздрогнули.

– Дядька-а-аа, – произнес невидимка гнусавым капризным голоском. – А дядька.

Анна и Сергей с диким видом переглянулись: им показалось, что голос идет снизу, из-под днища автомобиля.

– Ах ты! – Сергей едва не задохнулся от волнения. Рывком распахнув дверцу, полез наружу. Анна попыталась схватить его за рукав куртки, чтобы удержать, но не успела.

Снизу хлюпнуло, и Сергей Михайлович заорал: что-то острое расплосовало ему джинсы в районе икры и впилося в оголенную ногу. Высокие кожаные ботинки наполнились кровью. Мужчину замутило от боли. Падая обратно на водительское место, он заметил грязно-серый комок, повисший на ноге – неведомое животное вгрызлось зубами, одновременно острыми когтями разрывая кожу, расплосовывая мышцы и жилы Сергея Михайловича. Существо обладало чрезвычайной силой – ни стряхнуть, ни оторвать его от себя руками Зайцев не смог.

Оно рычало, тянуло к себе окровавленную плоть, словно обжора на пиру, ошалевший от жадности. Подтянувшись до паха, существо перекусило бедренную артерию своей жертвы. Кровь хлынула из Сергея Михайловича, как из зарезанной свиньи, он ослабел и обмяк. Существо, урча, потянуло добычу наружу.

Анна Александровна завопила. Вцепившись в мужа, она резко дернула его на себя, неосторожно ударив головой о рулевую колонку – Сергей Михайлович отключился, навалившись на рычаг ручного тормоза и весом тела отжав его книзу.

Неизвестное существо, не желая расставаться с добычей, вскарабкалось по неподвижному телу вверх, и уже в машине с радостным повизгиванием продолжило дикую трапезу. Брызги крови густо окрасили лобовое стекло.

Анна Александровна кричала, задыхаясь, теряя сознание от ужаса. Разум ее помрачился. Она продолжала тянуть к себе тело мужа – уже, очевидно, мертвого – и этим добила только того, что рычаг автоматической коробки передач сдвинулся с положения «стоп» в положение «вперед» и «Ниссан», медленно прокатившись по обочине, накренился и сполз в кювет, прочно сев на пузо в канаву.

Существо силой инерции отбросило прямо на Анну Александровну. Крохотные окровавленные ладошки вцепились в лацканы дорогого пальто женщины. Бессмысленные светлые глаза существа, не моргая, уставились на нее снизу вверх. Их голодный блеск выглядел завораживающе невинно.

– Дя...дька-аа, – причмокивая, прогнусавило существо. И впилося зубами в щеку Анны Александровны, с хлюпаньем отрывая первый мягкий жирный лоскут.

Автомобиль «Ниссан» с московскими номерами обнаружили на другой день. Накануне в районе буйствовала метель, рано в этом году. Сугробов намело много, но на дороге заносов не было – дорожные службы, руководствуясь прогнозом, загодя выгнали на расчистку всю технику.

Об аварии возле Гусевки сообщил на пост мимо проезжавший водитель – Захаров Виктор Петрович, 1957 года рождения. «Непьющий» – так значилось в его личном деле. Виктор Петрович вот уже восемь лет возил лес-кругляк с Судожской лесопилки, все местные гаишники его хорошо знали.

Дежурные на посту удивились: место возле Гусевки спокойное в плане аварий. Хотя, конечно, кто его знает: обстановку на трассе сами автолюбители создают...

Никаких подробностей Захаров не прибавил: «ниссан», мол, только в зеркало заднего вида приметил, а возвращаться и проверять не стал – уверенности-то не было... Да и вообще – ему еще триста километров до соседней области пилить, некогда с грузом разворачиваться.

«Отмазался, шкура!» – решил про себя инспектор Ершов, но наседать на Захарова не стал. Дежурные занесли в журнал предоставленные сведения, и выехали на проверку сигнала. На месте были через двадцать минут.

Рассчитывали, что на белом снегу упавшую машину увидят издалека.

А в действительности даже зоркий Федя Ершов не сразу разглядел ее: «ниссан» сидел в кювете, зарывшись брюхом в снег, ниже дороги метра на четыре и тонкие стволы молодого подлеска запутывали его в тенях, укрывая за частоколом черных изломанных линий своих силуэтов. Словно штриховка на белом листе. Будто кто-то пытался спрятать яркое пятно на белом.

Уничтожить хотел.

Не удалось.

Лейтенант ППС Огородников первым продрался сквозь сугробы к машине, наклонился к водительскому стеклу («Надо же, целое!») и постучал.

– Эй, живые есть кто?!

И сам себе ответил:

– Да нет, какой там...

Стекла машины заледенели. Огородников попытался заглянуть внутрь салона, но безуспешно. Тогда он нажал на ручку дверцы, чтобы открыть автомобиль, но дверца не шелохнулась.

– Замок примерз, – дую на покрасневшие от мороза руки, сказал Огородников, обернувшись к своему напарнику, капитану Ершову. – А может, перекосило от удара...

Внезапно машина качнулась.

– Во! А, может, и есть живые! – обрадовался Огородников. – Чуешь, Ершович? Шевелится кто-то внутри, очухивается, видать! Так, давай-ка, не тормози. Замок надо отогреть...

– Может, за ломиком сбегать? – предложил Ершов.

– Ага, побегай!.. Пока ты по этим сугробам лазить будешь туда-сюда – там человек кончится! Давай, Ершович. Простым полевым методом... Мне нечем – перед выездом поссал.

– А вдруг они там... того... в сознании. Или вообще... это... Неудобно.

– Неудобно ухо левой ногой чесать! – вскинулся Огородников. Ершов поджал губы, повернулся, расстегнул ширинку, приловчился...

– Целься точнее. Не туда льешь, – проворчал Огородников, наблюдая, как горячая струя мочи брызжет на примерзший замок.

– Вот так, а теперь поднажмем, Ершович! А ну-ка, взяли!

Они вместе попытались открыть дверцу ниссана, но и эта попытка ничего не дала.

– Заклинило. Черт! – досадливо выдохнул лейтенант.

– Может, через багажник попробовать?! Да нет, куда – там деревья подпирают...

Но Ершов уже кинулся через сугроб, отгребая в стороны снег мощными, как лопата, руками.

– Сейчас, сейчас...

И вдруг замер, уставившись в окна автомобиля.

– Что-то тут не то, лейтенант, – пробормотал Ершов.

– Чего?! Не бормочи, Ершович, задние двери на себя дергай там!

– Да здесь, может, открыто...

– Как – открыто? Так посмотри – живые есть?! Чего стоишь тетехой?!

– Товарищ лейтенант... То есть... Андрей Михалыч... Тут такое дело, – нерешительно взглядываясь в рыжее пятно, распластавшееся на заднем стекле автомобиля, пробормотал Ершов.

– Что ты бубнишь-то? Не узнаю тебя, Федя! – досадливо поморщась, сказал Огородников. Он уже перелез через сугроб и подобрался к «ниссану» с другой стороны. – Смотри-ка, кажись, женщина там. А где ж водитель? Что-то темное вроде. Слушай, точно, шевелится! Давай, Ершович, нажимай. Они, кажется, оба живы. Может, просто шок?

– Андрей Михайлович... Погодите. Они ж тут целую ночь, получается, пролежали? Вон же как засыпало всё!

– Ну. И что? Что ты мямлишь?!

– Так это... Погодите! Мне дед покойный рассказывал... Слыхали вы про наши леса? Про «сироток»? Встречаются у нас такие, «сиротки»... Это охотники так их прозвали. Издалека выглядят как дети... А вот морды у них...

– Елки, Федя!!! – разозлился Огородников. – Дед твой зашибал, как последняя сволочь! Все вы тут, красавцы, и по синьке – ударники-стакановцы. Чего ты?! Нашел время! – лейтенант наклонился, заглядывая в салон автомобиля. – Чем сказки тут рассказывать, давай-ка ты...

В этот момент машину качнуло. И еще. И снова. Кто-то бился внутри замерзшей машины. Но молча. Он почему-то не пытался подать голос, позвать на помощь. Всем весом колотился в стенки, в дверцы, в окна. Машину раскачивало и трясло, будто в лихорадке, и от вида трясущейся машины капитану Ершову сделалось не по себе.

– Ох, господи! Смотри! Точно, очухиваются! Это женщина...

Огородников дернул на себя дверцу «ниссана», но она не открылась. Тем временем женское тело внутри автомобиля явственно шевельнулось.

«Дышит, точно!» – обрадовался лейтенант.

– Стремно мне, Андрей Михайлович... – заныл опять Ершов. Огородников разозлился. Он уже хотел было выругаться покрепче, но вдруг...

Нечто темное переползло с груди на колени женщины. «Может, ее рука?» – подумал Огородников. Женщина, стало быть, очнулась и пытается снять ремень безопасности. Непонятно почему, но все происходящее представлялось лейтенанту пугающе неправильным. Через заиндевевшие стекла было трудно разглядеть, что творится внутри.

Мутный сгусток, напоминающий сжатую в кулак руку, замер, вытянулся, странным образом истончился, потянувшись назад...

«Рука? Разве можно так выгнуть руку?»

Озадаченный лейтенант не успел придумать объяснения увиденному. Он по инерции рвал ручку двери на себя, когда с другой стороны «ниссана» раздался вопль Ершова.

– Ах ты, суч...!

Вслед за этим последовал визг – жуткое запредельное верещание, оборвавшееся всхлипом... Дверца машины распахнулась и какое-то существо опрометью вынеслось оттуда, наскочив и с размаху опрокинув лейтенанта Огородникова в сугроб.

– Что за?!..

Лейтенант не успел ничего сказать – его кинули в снег, залепили глаза и горло чем-то мокрым, горячим. Вонюче пахло зверьем... Падая, лейтенант ударился копчиком о нехстати подвернувшийся сучок поваленного дерева.

Тело взорвалось болью, в глазах потемнело. Загребая снег руками в попытке подняться, ослепленный лейтенант вдруг почувствовал, что звериный запах, поначалу шмонивший затхлостью и гнильем, неожиданно преобразился в нечто приятное... Вроде запаха цветов. Теряя сознание, лейтенант Огородников удивился столь быстрому преображению. И еще тому, что запах этот он, кажется, знал раньше. Когда-то давно. Давным-давно... А может быть – всегда.

– Хкто... хидет... по пустой... лесснице? – услышал Огородников и провалился в благоухающую темноту.

Инспектор ДПС Ершов застыл столбом, глядя на то, что осталось от его начальника. Пытаясь придти в себя, Ершов сунул в рот горсть снега, прожевал его.

Послышался шорох. Федор в ужасе оглянулся. Женщина в «ниссане» смотрела прямо на него. Она всё еще была жива! Через открытую дверцу машины Ершов отлично видел это.

Обливаясь то жаром, то холодом, Федор не смел отвести взгляда от пострадавшей. В распахнутом чреве женщины что-то тряслось, дрожало среди слизи, в окровавленных кишках. Над дико вывороченным правым веком – тик-так, тик-так – скакала синяя жилка. И этот запах... Железа, мочи, гнили... Цветов. Умирающих цветов.

Ершову захотелось, чтобы женщина умерла. И перестала так требовательно сверлить его своим выпавшим из глазницы глазом.

«Умри, пожалуйста, умри. Не мучай меня!» Но она дышала. Воздух свистел из раздавленной грудины.

– Сдохни, сука! Сдохни уже! – простонал Ершов, не замечая, что говорит вслух. Круглый шарик глаза в заплывшей черным ямке дернулся и устоял на инспектора с удивлением и укоризной. Разорванный рот дрогнул, затрепетал повисший над красными зубами лоскут кожи – и хриплый, надтреснутый голос произнес, будто откуда-то издалека:

– Кто... хидет... по... пустой...

Глаз заискрился, сияя соленой влагой и ободранная, обкусанная до мяса рука забилась о смятую дверцу автомобиля – как будто умирающая женщина решила повеселиться напоследок, похлопать собственной шутке. Смеяться по-настоящему этот изуродованный рот уже не мог.

Инспектор Ершов отшатнулся. Да она же не человек! Уже нет. Надо действовать – и чем быстрее, тем лучше.

Пробравшись по сугробам к милицейскому ГАЗику, приткнутому у обочины, Ершов вынул из багажника канистру с бензином и с нею вернулся обратно к «ниссану». Женщина была жива. Все так же смотрела на Федора ласковым, выскочившим из орбиты глазом.

Плача от злости и страха, Федор выкрутил крышку канистры, плеснул бензином в искореженный двигатель «ниссана», облил дверцы машины и отойдя на безопасное расстояние, швырнул зажженную спичку. Капот машины вспыхнул. Бензиновые пары взорвались внутри салона; громкий хлопок – и стекла с хрустом выскочили, давая свободу языкам пламени.

Когда рванул бензобак, в небо метнулся столб огня. Жирный черный дым закоптил выбеленные снегом ели рядом с дорогой. Ершов побежал вверх, к ГАЗику. Внутри горящего «ниссана» что-то пицало и билось, но инспектор не останавливался и не смотрел назад.

Распахнув дверь дежурного автомобиля, он схватил рацию и передал на пост, что аварийный «ниссан», о котором сообщал проезжавший мимо водитель лесовоза Захаров, действительно слетел с трассы в районе Гусевки.

– В живых никого – бензобак взорвался. Видно, капало потихоньку... А потом рвануло. Хрен его знает – почему. Проводка... Искра с аккумулятора. В живых никого, – стараясь говорить как можно спокойнее, объяснил Ершов.

Закончив разговор, сел на водительское место, сбросил шапку и зачесав пятерней взмокшие волосы, завел двигатель. Включил печку, погрел руки перед вентилятором. Потом замер, опустив их на руль. Зашипела рация. С поста сообщили, что труповозка уже выехала. Будет через четверть часа. Или даже быстрее.

– А чего им задерживаться? Дорога свободная. Заносов нет. Гололеда тоже, – откликнулся Ершов. Перед глазами у него все еще шевелился разорванный рот сожженной женщины. Инспектор тряхнул головой, отгоняя неприятную картину.

– Да, а где же лейтенант? – вдруг вспомнил он. – Волки. Волки съели.

Инспектор хихикнул. Рассмеялся. И еще больше трех минут инспектор Федор Ершов хохотал, заходился смехом, пока не ощутил боль в животе. Тогда он, наконец, утомился и угрюмо устоял на дороге.

– Волки съели, – повторил он, с трудом ворочая языком. – Не повезло.

Глаза, веки, все тело его налились свинцовой тяжестью. Вскоре он уже спал, привалившись к рулю и некрасиво распустив вялый, слюнявый рот.

– Кто идет по пустой леснице? – бормотал он во сне. – Кто... хидеет... по пустой...

Запах умирающих цветов преследовал его и в сновидениях.

Выгоревший остов когда-то вишневого «ниссана» торчал в кювете, прячась в изломанных тенях ближайшего осинника. Окружающий машину след от пожара смотрелся среди пространства белых снегов уродливой кляксой. Словно кто-то огромный пытался стереть слишком яркое пятно с бумажного листа, но, разозлившись, залил все чернилами. Чтобы уничтожить.

От погибшей машины в лес тянулась цепочка малоприметных отпечатков, напоминающих босые детские ноги, совсем крохотные.

Глава 2. Зайка

Поезд отошел от перрона – отвалился, как досыто набившая брюхо гусеница. В купе зажегся свет, и я, прижавшись коленями в тонких джинсах к холодной никелированной ножке купейного столика, скрючилась, чтобы смотреть на убегающий в темноту город.

Столица задорно пылала огнями иллюминации, подскакивая к самым окнам вагона, и я видела толпы людей на привокзальных площадях, вереницы машин, томящиеся в пробках, горделивые башни новостроек, мосты, эстакады, колоссальные рекламные щиты с альтернативной реальностью.

Но когда потянулись зимние поля, укутанные снегом, и редкие загородные полустанки, в темном окне не осталось ничего, кроме моего призрачного двойника.

Девушка без оттенков, черно-белая и полупрозрачная, качалась в такт колесному пере-
стуку и, развернувшись полуоборотом в три четверти, горестно смотрела на меня из мрака. По ее лицу катились едва заметные капли – то ли мокрый снег, то ли конденсат на запотевшем стекле. А, может, мой двойник там плачет? Красиво плачет. Я так не умею.

Проводница пришла проверить билет. Сказала, что на весь вагон пока всего четверо пассажиров. Спросила, не хочу ли я выпить чаю? Есть и кофе.

– Зимой этим поездом мало народу ездит, – будто извиняясь, сказала она. Из-под ее строгой форменной юбки торчали черные шерстяные рейтузы, а летние шлепки на каблучке странно смотрелись, надетыми на шерстяные носки.

Я отказалась от чая, и проводница пообещала принести белье.

– Судожь во сколько?

Вопрос настиг ее уже в дверях.

– Утром. Не беспокойтесь – не пропустите, – ответила проводница. Ушла и спустя пять минут вернулась, забросила в купе полиэтиленовый пакет с бельем.

– Одежда наверху. Берите, а то сквозняки, – предупредила она. – Продует!

Я кивнула, и когда проводница ушла, закрыла и застопорила дверь, сложила руки на столе перед собой, как примерная ученица. И легла на них головой.

Живешь изо дня в день и думаешь, что колея накатана, рельсы проложены и никуда ничего не денется: синицы в руках, журавли, где надо – в Африке зимуют, к нам на время прилетают, и всё при этом хорошо, замечательно, океюшки, нормуль, пучочком...

А потом – раздастся в ночи один телефонный звонок. И всё в твоей гладенькой кукольной жизни вдруг покатится в тартарары. Стоишь, оглушенная, ничтожно маленькая, слабая, слезы градом – и ни словечка из окривевшего от горя рта выдавить не в силах. Да и что говорить? Кому жаловаться?

*Через двор проехала машина, свет фар мазнул по окну и выхватил из темноты силуэт.
– Мам?*

Силуэт качнулся. Я увидела мамино лицо – странное, потерянное. Будто она торопилась куда-то, а я отвлекла ее, и она позабыла, куда и зачем шла.

– Мам, ты чего?

Голос у меня хрипел спросонья. Я дотянулась рукой до лампы на прикроватном столике, чтобы зажечь. Но переключатель все время проскальзывал между пальцами, словно я сделала вдруг бесплотной тенью.

Мама заволновалась, и, прижав палец к губам, заговорила быстро-быстро. И беззвучно.

Вспомнились фильмы об американской тюрьме – в них родственники и адвокат общаются с осужденным через толстое стекло. По телефону.

Значит, надо взять трубку. Звонок же идет...

Мама рассердилась. Замахала на меня рукой. Но вид у нее сделался смущенный: наверное, она вспомнила, что ни ее, ни папы давно нет на свете. И я тоже вспомнила об этом. И о том, что лицо мамино помню только по фотографиям.

Я проснулась в слезах. Рядом с кроватью трещал, заходился криком мобильный.

Я бросила взгляд на часы: половина второго. Даже лучшая подруга, Вика Саркисян, не имеет привычки будить меня среди ночи. На это способен только Дэн, мой начальник и по совместительству – любовник, сожитель и жених. Номер почему-то не определился. Может, опять Дэн мобильник свой посеял?

Я ответила на вызов.

– Дэн? Где ты? Алло!

Ответил дрожащий женский голос:

– Диночка? Динусь... Это я.

Голос был так слаб, что я не узнала б его, если б все еще не стояло передо мной мамино лицо из сна.

– Лёлочка? – удивилась я. Мне, наконец, удалось зажечь свет. – Теть Лёль! Что-то случилось?

– Ничего, ничего, Дина. Не волнуйся...

– Ты почему не со своего номера звонишь? Я трубку брать не хотела... Ты, что бежала? Пыхтишь так... Что происходит?!

– Дина, не тарахти. Старость со мной происходит. А ты думала – я вечная? Такая же я, как и все... Можешь приехать? Ненадолго?

– Господи, да что случилось?!

– Давление подскочило. А Ван Ваныч... Ты ж его знаешь, какой он. Осторожничают. Уложил меня... На недельку. К себе. Ничего. Все нормально. Но... если б ты приехала... Есть у меня... один важный разговор. Не по телефону.

– Так ты в больнице?! Теть Лёль! Не молчи! Ты ж не завешание там случаем... – я не договорила – задохнулась от ужасной мысли. И с трудом преодолела спазм, сдавивший горло.

– Господи!.. Что тебе прописали?! Какое лекарство купить?! Может, лучше в Москву?!

– Дина, нет. Ничего не надо! И Ван Ваныч против... За мной тут... хорошо присмотрят. Не беспокойся. Скажи-ка... Ты помнишь... какой мы с тобой стишок все время учили? В детстве... Когда я в садик тебя водила?..

– Стишок?! Лёлочка, какой стишок?! Причем тут...

– Ты припомни, пожалуйста. Это важно. И приезжай. На работе-то тебя... отпустят?

– Отпустят – не отпустят... Да я и спрашивать не буду! Если что – уволюсь к чертям!

– Знаешь, Зайка, разговор у меня есть... Не то чтоб прям сильно важный. Но ты приезжай... как сможешь, хорошо?

– Теть Лёль, послезавтра буду. Выздоровливай! Если что – звони, ладно? Все, целую! Целую!

Я бросилась к ноуту – посмотреть билеты на Судожь.

Внутри все тряслось и кипело. Бедная моя Лёлочка! Я подсчитала в уме – 83 года. Конечно, для ее возраста болезни – дело естественное.

Но на моей памяти она не болела ни разу. И случая не было, чтобы на что-то жаловалась.

Елена Николаевна Вольская. В зале Судожской городской библиотеки, где Лёлочка моя проработала всю жизнь, она смотрелась как оживший портрет викторианской дамы. В городе ее даже недолюбливали – надменная, дескать. В наших краях Вольские – фамилия старинная, считались чуть ли не потомками Судожских князей.

Глупости, конечно, но стоило взглянуть на тетю – и это уже не казалось таким уж невозможным. Невысокого росточка, но с такой гордой осанкой, что долговязые акселераты – буй-

ные школьные анархисты смирились и сутулились в ее присутствии, предпочитая оставаться незаметными для её строгих серых глаз.

Выйдя на пенсию, тетя Лёля не собиралась сдаваться. Неизменный аккуратный костюм – двойка, белая блузка с кружевным воротничком. Брошь с аметистами, высокая башня серебряных волос – прическа старомодная, но ей очень к лицу. Старческие немощи обходили мою тетку стороной.

И вот – нате. Тонкий дрожащий голос. Просьба приехать. Станные разговоры... Чужой телефон. Чей, кстати?

Ночная тьма вошла в комнату и дохнула на меня могильным холодом. Я вдруг сообразила, зачем приходила мертвая мама. И что она хотела сказать.

Уехать в Судожь не просто. Тем более – уехать быстро. Аэропорта там нет; единственная возможность – скорый поезд, который, однако, ходит лишь три раза в неделю. Но мне повезло.

В кабинет Дэна я вошла, уже имея в своем айфоне электронный билет до Судожья.

Понятно, что все это не ко времени... Но я надеялась, что Дэн, как близкий человек, поймет. И, как мой начальник, проявит лояльность.

– Зайчик, бедный мой... Зайчик – убегайчик... – Дэн обнял меня, и стоял, укачивая в теплых и сильных объятиях. – Куда ж ты хочешь ехать? Одна? Не хочу тебя отпускать.

Я потянулась и поцеловала небритую щеку. От Дэна знакомо пахло кофе и табаком и каким-то парфюмом с древесным запахом, слишком терпким и агрессивным, но я привыкла к нему.

– Дэн... Поедем вместе. Да?

– Зайчик, скажи... Ты ненормальная?

Ласково придерживая меня за плечи, он отодвинулся и заглянул мне в глаза.

– Ты правда не понимаешь, что сейчас тебе никуда нельзя ехать?

– Почему? – Я хотела его понять.

– Потому что это глупость. Я больше, чем уверен, что с твоей тетей все в порядке. Есть и будет. Зато Воронцов – да, Воронцов, помнишь такого? Или у тебя все это со свистом из дырявых мозгов вылетело? – Дэн говорил тихо и медленно, но губы у него сделались ярко-вишневыми. Дэн тонкокожий, при всяком волнении кровь бросается ему в лицо и первым краснеет рот.

– Извини, я тебе напомню. Воронцов может не подписать контракт, если ты уедешь.

Улыбка Дэна сделалась деревянной.

– Ты помнишь, сколько мы сил потратили, чтобы эта сделка состоялась?

– Мы?

– Да. Да! Причем, главным образом, ты. Заметь – я это признаю! В том-то и дело! Как ты можешь все это бросить на полдороге?! Контракт на полтора миллиона! Ты знаешь, что это означает, Дина, Зайка?

– Да. Полтора миллиона означает. Уйму работы, постоянные авралы и бесконечную возню с отчетностью. Понимаю.

– Ни хрена ты не понимаешь, Заинька!

Взбурдаженный Дэн вскочил, побегал по кабинету, вытер вспотевший лоб, подбежал к двери, запер ее на ключ. Схватил меня за руку, отвел от дверей и, прижав к стене в самом дальнем углу кабинета, произнес на ухо:

– Полтора миллиона долларов! Таких денег у этой паршивой фирмочки за все время существования не было. И, я уверен, не будет! А мы их возьмем. – Глаза у Дэна сияли, а голос лихорадочно дрожал. Облизнув пересохшие губы, он прошептал:

– Мы их всех тут после этого сделаем. Вдвоем. Ты и я. Понимаешь? – Я просто не узнавала своего жениха – вылитый демон-соблазнитель. Его горячее дыхание щекотнуло мне ухо, и я хихикнула. Нечаянно.

Дэн расценил это по-своему.

Он засмеялся, вернулся за стол и развалился в кожаном кресле в самой вальяжной позе.

– Да, Зайка, вот так все и будет. Я тебе клянусь – через месяц ты не узнаешь этого места!

Я тут все переверну! Первым делом...

– Прости. Я не могу.

– Не понял? – удивился Дэн, а я отступила еще на шаг в сторону двери.

– Извини. Если ты не хочешь меня отпустить, я... попрошу Гаврилова.

– Чушь. Он пошлет тебя обратно ко мне! Через мою голову никто в конторе ничего тебе не подпишет.

– Тогда я уволюсь. Просто уеду – и все.

Дэн засмеялся:

– Она уедет – и все! Дура.

Я промолчала. Взяла со стула свою сумку...

– Дура! – не сдерживаясь, крикнул Дэн. Потом снова попытался уговорить меня. – Заинька. Мы столько усилий приложили, чтобы выстроить нормальную схему. Чтобы никто не мешал... И теперь ты вдруг хвостиком крутить вздумала?

– Допустим. Ну и что?

– То! То самое, Зайка моя!

– Я не могу, Дэн. Прости.

Я отступила еще на шаг. Схватила за ручку двери, как хватаются утопающие...

– Прости, пожалуйста... Ты... Справишься без меня.

– Не смей уходить! Ты слышишь, что я сказал?! Стой, подожди... Дина! Если ты отсюда выйдешь... Дина! Ну, прекрати сейчас же. Я пошутил. Стой! Так, если ты выйдешь – ты, возможно, обратно уже не вернешься. Никуда. Дина Зайцева, ты хорошо подумала?!

Он вскочил с малиновым от злости лицом.

– Спасибо, Дэн. Денис Александрович, – сказала я, сдерживаясь, чтобы не зареветь. – Я уже подумала.

И выбежала из кабинета, пока Дэн не схватил меня.

Боюсь-боюсь. С ночи эта мысль стучала в висок. После разговора с Дэном заколотила с утроенной силой.

Боюсь-боюсь – стучало сердце.

Боюсь-боюсь – стучали колеса поезда.

Голова раскалывалась от этого стука. Последние часы я действовала чисто механически, на автопилоте, словно робот- андроид.

Но внутри, под броней и железом, в наглухо запертой комнате плакал перепуганный маленький ребенок. Он сидел и хныкал в самом темном углу, прятался от страха под столом, прижимая к сердцу любимую игрушку. И ждал фею.

Если фею хорошенько попросить – она явится и исполнит любое желание. Например, чтобы Дэн меня понял и простил. А тетя Лёля выздоровела. Чтоб она никогда не болела. Чтобы с ней не случилось ничего такого, что обычно случается с тетями ее возраста.

Надо просить фею.

Я закрыла глаза. Но картинки дня опять вывалили передо мной свой пасьянс и с наглостью уличной гадалки принялись бубнить гадости, пугать. «Что было, что будет, чем сердце успокоится?»

Да ничего хорошего с тобой не случится уже! Никогда! Ты поняла, Зайка?! О, господи! Боюсь-боюсь.

Вика Саркисян. Лучшая подруга.

– Зайцева, ты что, ненормальная?! – это звучит рефреном в течение всего разговора.

Вика поймала меня после встречи с Дэн. Увидев мои глаза «на мокром месте», она затащила меня в ближайшее кафе и потребовала, чтобы я немедленно рассказала ей, что такое со мной творится.

Викины бархатные глаза искрятся, словно кошачий мех, натертый синтетической рукавицей.

– Послушай меня. Успокойся. Ты просто сорвалась. Это от нервов. Конторка наша – не самое спокойное место... Только не сходи с ума! Ты должна взять себя в руки. Можешь не верить, но я точно знаю – если ты уедешь, завтра же та выдра из Плехановки вцепится в Дэна! И займет твое место. Причем во всех смыслах... Ты понимаешь!?

Вика заглядывает мне в глаза. Я понимаю. Но молчу. Верить в то, что я понимаю, не хочется.

– Хорошо. А теперь скажи, что это за место такое – Сужоть? Что это за дыра?

– Судожь.

– Большая разница... Короче, где эта... жуть?

– В Тверской области.

– Отлично. Превосходно. И что ты там делать собираешься? Зайка, не сходи с ума. Здесь у тебя заработок, положение, перспективы! А там? Сужоть какая – то, это ж надо такое придумать!

– Судожь, – опять поправляю я. – Это вообще-то город.

– Город?! Дыра! Слушай меня. Приди завтра, заberi заявление. Попроси отпуск в связи с болезнью родственницы. В конце концов, возьми за свой счет! Извинись. Да, извинись. Дэн ведь тоже на нервах последнее время, а ты его практически спровоцировала. Пойми, я тебе добра желаю!.. Скажи, что не хотела, со всеми бывает. Ну, да, родственный долг и все такое... Ну, съезди нормально – дня на три... Как человек! После всего. Как тут закончите. Зачем эти трагедии разводить, кому это нужно?! Подумаешь – давление повысилось немного. Наверняка уже всё с твоей тетей обошлось! Знаю я этих гипертонических тетешек... Истерички!

Веки у меня вдруг отяжелели и сделались неподъемными – как у Вия. Я с трудом подняла глаза и взглянула на Вику.

– Ну ладно, ну что ты?!

Выражение моего лица Вику слегка напугало, и она отступила. Но ненадолго. Уже через минуту она снова кинулась в наступление:

– Неужели нельзя было по-хорошему договориться?!

– Дэн...

– Нет, нет! И не говори мне. Ты, Зайка, сама во всем виновата! Сама! – Вика злится, фыркает и елзит.

Пластиковый столик кафешки ходит ходуном от ее брыкающихся коленок. Из чашек расплескалось содержимое, по белой клеенке во все стороны расползается спрут – коричневые кофейные побеги.

Я беру из сахарницы несколько кусочков рафинада, один за другим вынимаю из бумажной обертки и швыряю в самую большую лужицу. Сверкающий кристаллический кубик деформируется, рассыпается на части, впитывая жидкость. Кофейный потоп остановлен.

– Ты что творишь? – изумляется Вика.

Я поднимаю голову.

– Не знаю. Спасательный круг. Типа.

– Ага, – кивает Вика. – Ну, всё. С меня хватит.

Она достает кошелек и тянет меня к выходу.

– Пошли. Я заплачу за нас. Ты ж, Зайка, у нас теперь безработная!

Я встаю, послушно позволяю Вике заплатить за нас обеих, и мы уходим. Идем к метро. Каждый шаг по этой изученной вдоль и поперек дороге отдает болью, потому что я понимаю, что это в последний раз. А Вика всё трещит. Всё вкручивает мне, что я не права, что я еще пожалею! Буквально завтра...

Она бурлит, возмущается, исходит эмоциями. Хочется отыскать что-то, хорошо адсорбирующее, и швырнуть в самую гущу ее кипящего разума, как тот несчастный сахар в кофейную лужицу.

Но кроме черной дыры, наверное, ничего не подойдет... Когда Вика по-настоящему злится, в ней бушует энергия термоядерного синтеза. Её не остановишь.

– Нет, знаешь, Зайка, я вот не на твоей стороне. В конце концов, никакой трагедии нет: люди болеют...

– Вика!

– Да нет, ну, правда! Ты бросаешь Дэна одного. Сделка еще не подписана, Гаврилов там круги нарезает... Акулы повадки у мужика, точно тебе говорю... И ты такая вдруг – раз... А, стоп!

Вика вдруг застывает посреди улицы с сияющим лицом и улыбкой:

– Послушай-ка! Может, ты чего-то не сказала мне?

– Чего?

На секунду передо мной мелькают карие глаза. Дэн. Прищуренный, хитрый взгляд... «Послушай, может, ты чего-то не договариваешь?»

– Слушай, ну, я твоих планов не знаю. Может, ты хочешь уехать, чтобы Дэна подтолкнуть... того... Предложение сделать? Чтоб он остался один-одинешенек на день-другой, понял, как ему без тебя плохо. И побежал покупать кольцо с брюликом. А? Точно! Я вспомнила: в «Вог» в прошлом месяце была такая статья. Но, слушай, Зайка, это очень рискованно. Да еще увольняться! Эти журнашлюшки в «Вог» понапишут, что им в голову взбредет, ответственности никакой. Неужели ты им веришь?! Они сами-то, небось, ни мужика, ни карьеры не...

– Вика, стоп! Нет. Ничего такого я не планировала.

– Правда?

– И в мыслях не было!

– Фух, ну и правильно. Но тогда я всё равно не понимаю, зачем ты всё это затеяла? Как можно такой выбор делать: какая-то дальняя родственница – и любовь всей жизни, будущее, семья, карьера?! Не понимаю. Всё-таки ты что-то темнишь...

Они подозревают меня в неискренности, потому что не могут представить себя на моем месте. Разговор с Викторией безумно утомил, и я была рада, когда мы с ней, наконец, расстались.

«Родственница»! Вика не понимает. Тетя Лёля... Да она – всё для меня!

Если она уйдет, между мной и могилой не останется ничего. Ни единой преграды. Пока она жива – я могу без страха смотреть в будущее. Верить, что оно есть. И оставаться маленькой. Зайкой...

А иначе... Иначе – всё вернется. Страх. Смерть. Кошмары. Они придут и будут сопеть рядом со мной в темноте, ворчать и протягивать к горлу холодные лапы.

Проверив, закрыт ли замок на двери купе, я застелила постель на своей полке. Поплакала немного, глядя, как мелькают в черном окне желтые размазанные пятна фонарей на платформах незнакомых станций.

«Дэн не позвонил. А мог бы», – вскочила в голову мыслишка. Но я ее отогнала.

Легла и уснула под стук колес. Во сне слушала, как что-то тихонько шуршит за стенкой в соседнем купе.

Среди ночи звякнул мобильный, который я положила на столик. Сообщение? Я открыла глаза.

Поезд стоял, погруженный во мрак и тишину, и где-то совсем далеко цепочка крохотных переливающихся огоньков отделяла черное небо от неожиданно черной земли. Снег куда-то пропал. Растаял? Или...

Поезд дрогнул, с лязгом качнулся и потащился вперед.

А я уж думала, что всё это мне снится. От кого сообщение?

Я взяла мобильный и взглянула на экран.

«Не думал, Зайка, что ты такая дура.» Дэн.

В верхнем углу крохотная шкала из пустых полосок информировала, что сети нет. Связь оборвана.

Я, конечно, не выпалась. Проводница разбудила меня, когда за окном едва рассвело. Густая серая мгла колыхалась за окнами, по запотевшим стеклам бежали тонкие струйки воды.

Я шагнула с подножки поезда как в бездну. Ступила на выщербленный асфальт перрона, вытащила дорожную сумку. Постояла, дрожа и зевая, возле вагона, пытаюсь сообразить, в какой стороне вокзал.

Мимо прошли несколько теток с клетчатыми тюками, деловито просеменила старушка с сумкой на колесиках. Какие – то мужики в охотничьих куртках и сапогах, зевая во весь рот, прошагали, неся на плечах тяжелый баул из прорезиненной ткани, внутри которого громыхало и побрякивало железо.

Все они шли в одном направлении. Я пошла за ними, осторожно переступая через осевшие сугробы снега, скользкого и ноздреватого.

В Судожихе ходят четыре автобуса: школьный, собирающий по ближайшим деревням детей; автобус древокомбината, привозящий и отвозящий к воротам смены рабочих; похоронный и автобус администрации, который по большим праздникам доставляет местное чиновничество на пикники. Впрочем, насчет последних двух я не уверена: возможно, это один и тот же автобус. Там всегда висит табличка «Заказной», и только цвет шторок меняется – с черных на белые.

Ни один из этих автобусов не повезет меня к тете. Тяжелая сумка оттягивает руки, но ничего не поделаешь – придется идти пешком. Я двинулась вперед по безлюдным улицам.

Ночь ушла, черные тени уползли вслед за ней, словно впитав напоследок искристую снежную белизну, и всё вокруг сделалось грязно-серым. С крыш капало, слякоть текла по тротуарам, тающая снежная каша загромождала дороги. В густом тумане призрачными видениями проступали невысокие домики.

За железнодорожным переездом из тумана вынырнула мне навстречу стая бродячих псов. Я замерла.

Вид у собак был одичалый и доверия не внушал. Куда бы свернуть? Дорожная сумка сделалась вдруг намного тяжелее, чем когда я ее собирала.

Вблизи – ни домов, ни переулков. Две-три машины стоят припаркованные у глухого забора. Куда здесь денешься? И людей нет.

Стая, потягивая, приближалась. Их предводитель, крупный пятнистый пес, жилистый и высоконогий, со сваленной в колтуны шерстью, остановился в паре метров от меня, блеснул почти человеческими карими глазами.

На его морде явственно читалось злорадство: похоже, зверюга прекрасно осознавал, что бежать мне некуда. Опустив голову, он зарычал, оскалив крепкие желтоватые зубы. Вслед за ним зарычали и остальные дворняги. Вот оно! Боюсь-боюсь. Что делать?!

– Не вздумай бежать, – сказал кто-то за моей спиной.
Я обернулась.

К ближайшей обочине прижался лобастый синий Рено-Логан. Я не поняла, откуда он вылез. Бесшумно выкатился из какого-то двора? Но все калитки и ворота на улице закрыты. До чего уродливая машина.

Впрочем, водитель – парень лет двадцати пяти, красотой тоже не блистал: смуглый, нос картошкой, волосы какие – то пегие. Он вылез из машины и сделал шаг в мою сторону. Высокий, руки как грабли. Совершенно бандитская внешность.

– Не вздумай бежать, – повторил громила. – Сожрут – пикнуть не успеешь!

– Спасибо, порадовал! – огрызнулась я. – Поразвели тут...

– Я, что ль, разводил?! Ты вот что... Нагнись!

– Чего?!

– Давай, давай! Сделай вид, что подбираешь камень.

– Зачем?!

– Делай, что говорят! – рассердился парень. Хлопнула дверца машины, послышался звук заходящегося двигателя. Вот же сволочь. Смеется надо мной, что ли? А сам сейчас сядет в свой дурацкий Логан и сбежит – только его и видели...

Псы приближались. Я присела, судорожно шаря рукой... На дороге и в самом деле лежал камень. Я схватила его, зажала в кулаке и глянула на собачьего главаря. Пес остановился в нерешительности. Глаза его злобно сверкнули, но рычать он перестал.

– Кидай! – крикнул громила.

Я швырнула камень – он упал недалеко. Однако вся свора брызнула в рассыпную, точно я кинула перед ними гранату.

– Отлично. А теперь прыгай в машину, – скомандовал тип с бандитской внешностью, подъезжая ближе и распахивая дверцу.

– Вот еще! – возмутилась я. – Я к незнакомым мужикам в машины не сажусь.

– Я таксист, – укоризненно глянув на меня, сказал громила. Таким тоном, будто это враз снимало с него всякие подозрения.

И добавил:

– Совсем ты этот город забыла, а? – непонятно сказал он. – Ладно, меня Валера зовут, Ершов. Хватит или надо еще ножкой пошаркать перед тобой? Да садись уже, балда! Эти шавки сейчас вернутся.

Он был прав: псы, напуганные моей выходкой, сообразили, что настоящей угрозы нет, и, ворча, возвращались на прежние позиции.

Я подхватила сумку и вместе с ней плюхнулась на сиденье рядом с водителем. Он перегнулся через меня, захлопнул дверцу и заблокировал ее кнопкой.

Собаки зыркали на нас через стекло. Упущенная добыча – эта мысль столь откровенно читалась на оскаленных мордах, что у меня мурашки забегали по спине.

– Что, не досталось мяса? – причмокнув губами, поддразнил собак таксист. – А мне вот перепало!

Я вздрогнула. Синий Рено-Логан, визгнув колесками, рванул по дороге прямо на собак.

Псы отскочили в стороны, залаяли, остервенело зацелкали зубами и понеслись, подпрыгивая, рядом с колесами. Но за поворотом отстали.

– Ну, чё трясешься-то? Расслабься! – сказал водитель, когда я, отвернувшись от окна, попыталась незаметно окинуть его взглядом. – Вон, смотри сюда!

Он ткнул крупной лопатообразной лапой в бейджик, закрепленный на пластиковой торпедо. «Частное такси. Валерий Ершов. Телефон...» И фотография.

На ней Валерий Ершов был еще более пегим, чем в жизни – снимок выпвел из-за солнечных лучей, которые нещадно жгли фото через стекло.

– Я раньше администрацию возил. Да надоело... Это ж не только баранку крутить! Эти, пузатые, они ж в рамках-то никогда не удержатся. Им бы только кого охомутать. Подай-принеси... Лакейская должность! Вот я и решил: займусь бизнесом. А чё? У нас тут, конечно, не столица... Но тоже, бывает... Нажрут на свадьбе, на юбилее, на поминках там... И скорей звонят – Валера, выручай! У пьяных права отбирают, сама понимаешь. А дороги в области какие, видала, нет? Видала, поди... Ну, а кто не знает – тому в наши места и проезду нет. Вот так я, значит, буржуем и заделался. Называется – ИП. Индивидуальный предприниматель.

Я слушала вполуха, с тревогой следя за дорогой: улица, на которую свернул синий Рено за железнодорожным переездом, показалась мне незнакомой. Куда направляется этот чертов предприниматель?

Сомнения одолевали меня, но выразить их вслух я опасалась. Наконец, робко попросила:

– Мне, знаете... На Школьную улицу. Тридцать пятый дом надо!

Валерий прервал свою путаную исповедь. Окинул меня цепким взглядом.

– Боишься, да?

Я вздрогнула. Еще не хватало. Он что, мысли читает?

– Собак испугалась? Нашла, чего бояться! Это ж тебе не Чупакабра.

Синий Рено выехал за город и понесся по пустой дороге. Ближе к обочине с обеих сторон высоченные черные ели, обвешанные бледными мочалами лишая, угрюмо подпирали небо, образуя что-то вроде узкого каньона, уходящего в пустоту: клубящийся на дороге туман не позволял разглядеть местность.

Шоссе в никуда.

– Про Чупакабру слышала? Это в Мексике. Коров валит на раз. Овец режет...

Я сжалась. Разговор про Чупакабру показался мне еще более подозрительным. Хотя в данном контексте беспокоили, скорее, истории про таксистов-маньяков, серийных убийц. Они втираются людям в доверие, вывозят случайные жертвы за город и там, заведя поглубже в чащу, долго мучают... Перед смертью. Среди глухих лесов никто не услышит твой крик.

– Козам горла рвет... Страшное дело!

«Куда мы едем?» – хотела я спросить, но вопрос застрял... в горле. Чего уж теперь спрашивать? Попалась. И как глупо! Может, позвонить? Набрать кого-нибудь – всё равно кого – назвать номер этого синего Рено. Номер? Так ведь я ни разу взглянуть на него не удосужилась! Не до того было. Проклятые собаки... И трубка, конечно, села. Ну, что, приехала, Зайка. Что теперь делать будешь?!

– Вообще-то, если так разбирать... Здесь-то тоже, знаешь, не очень чисто, – сказал вдруг Валерий.

В голосе его прозвучали какие-то новые нотки, от которых я похолодела.

– Дед покойный мне рассказывал кой-чего. Про сироток из леса... Дед мой здешние места знал лучше всех. Охотник был первый в области. Да и батя, хоть и пил всю жизнь, в ГАИ до пенсии проработал – он тоже много чего повидал.

– Чего? – Голос у меня вдруг сделался скрипучим, как у древней старухи.

– Чего – чего? – не понял Валера.

– Повидал-то чего? – Как ни противен мне был этот дурацкий разговор, но лучше уж поддерживать общение. Может, удастся зубы маньяку заговорить?

– А! Так этой вот... нечисти нашей, местной. Кто они, что они – вблизи никто их особо не разглядывал. Дед видел несколько раз и говорил, что издали они на маленьких детишек похожи. Но если приглядишься – сразу понятно, что ничего человеческого в них нет. Шеи мохнатые, зубы в два ряда – кости перекусывают, как леденчики. Иной раз так обгрызут, что

и хоронить нечего. Но ладно еще, если хоронить. А вот если тот, кого покусали, очухается... Вот это совсем плохо.

Валерий вздохнул. Я воспользовалась паузой, чтобы спросить, наконец:

– Куда мы едем?

– Мы-то? Ну, как куда?... А! Так приехали уже!

– В смысле?!

Ни города, ни домов вокруг. Ни людей. Я вцепилась в сумку, вжалась в кресло. Руки и ноги занемели, язык перестал слушаться.

– Дак на Школьную твою! Вечно эти бабы голову морочат...

Таксист Валерий резко выкрутил руль на 180 градусов. Машина, взвизгнув тормозами, развернулась, проскочила сплошную двойную полосу и, пролетев вперед еще с десятков метров, нырнула в самую гущу леса – так мне показалось.

Я зажмурилась.

«Раз, два, три, четыре, пять. Вышел Зайчик погулять... Погулять... Чур, меня не убивать!»

– Эй, ты чего? Вот твоя Школьная.

Я открыла глаза. Передо мной была знакомая улица. Шестнадцать лет я ходила по ней в школу, из школы и обратно. В библиотеку к тете Лёле...

Тётя Лёля!

Вспомнив, что надо торопиться, я подхватила сумку и рванула на себя ручку дверцы, забыв, что она заблокирована.

– На Интернациональной сейчас яму вырыли – хотят вроде подземный переход делать. Перегородили все. Так я в объезд тебя доставил, – самодовольным тоном объяснил странный таксист. – Да. Валера тут все ходы-выходы знает. Так что ты, если надобность будет – обращайся! Если вдруг что...

– Откройте! Дверь откройте! – взмолилась я, дергая ручку.

– А денежки? Триста рубликов.

– Чего?!

– А чего? Я ж довез! В лучшем виде. К тому же это ведь я с зимней скидкой. Летом все пятьсот взял бы! – Пегий громила усмехнулся и по-свойски подмигнул мне.

– Взял бы он. Да я б не дала! – еле слышно буркнула я, вытаскивая из кармана кошелек.

– Это с каких пор, интересно, у нас тут пассажиров силком в такси сажают?

И вдруг сообразила:

– А может, у тебя и собаки дрессированные? Может, это ты их обучил... загонщиками работать?

Валерий взял деньги, открыл дверцу машины.

– Я? Да не. Не я! И лошадь не моя.

И засмеялся.

– Понятно, – я выбралась из машины. Я чувствовала себя обманутой, униженной, слабой и раздавленной.

– Ладно, еще увидимся! Будь здорова, Зайка! – сказал Валерий и Рено-Логан, зарывав мотором, отъехал.

– Что?!

Вот это номер. Откуда громила знает мое прозвище?! Хотя... может, мне показалось? Может, он всех девушек так называет?

Не важно. Черт с ним. Я не намерена встречаться с этим типом еще хоть раз.

На заднем стекле отъезжающей машины я прочитала надпись крупными буквами – ее составили из наклепленной прямо на стекло синей изоленты: «Катаюсь там, где волки срать бояться!»

Клоун. Петросян местного разлива.

Я вспомнила черный лес, туман, летящий навстречу толпой серых призраков. И дурацкие рассказы о каких-то сиротках. «Они только похожи на детей...»

Я вздрогнула. Будто чьи-то холодные пальцы, забравшись под куртку, пересчитали мне ребра – как гамму на пианино сыграли.

Глава 3. Вестник

Почту, поступавшую на адрес городской газеты – «Судожского вестника», главред Эдуард Николаевич Тунганов предпочитал разбирать лично.

В те дни, когда утром из почтового отделения доставляли пухлый бумажный пакет, набитый корреспонденцией – а это случалось каждый вторник и пятницу – Эдуард Николаевич еще с полудня старался поскорее закруглить текущие дела, чтобы после 17.00, когда в редакции заканчивался рабочий день, и секретарша Зина с верстальщиком Ильей покидали свои рабочие места, а главбух Наталья Васильевна запирала кассу и удалялась к себе в кабинет опечатывать сейф, можно было спокойно заняться разбором писем.

Дома Эдуарда Николаевича никто не ждал. Старый кот Филя недавно скончался от столитита, и ужасно расстроенный смертью любимца Эдуард Николаевич не стал заводить новое животное.

Даже телевизор, с которым редактор Тунганов регулярно общался за ужином, после смерти Фили перестал работать нормально – что-то в нем забарахлило. Можно было отнести телевизор в починку, но Эдуард Николаевич никак не мог выбрать времени: газета, хоть и маленькая – всего восемь полос формата А4 – отнимала все его силы. Все же это была главная городская газета.

Ее выпускали в Судожи аж с 19 века. После революции она была закрыта, но возродилась вновь усилиями местных патриотов и энтузиастов в период гласности и перестройки. И держалась на плаву вот уж без малого тридцать лет, из которых пятнадцать последних – благодаря усилиям Эдуарда Николаевича.

А основной причиной, почему «Судожский вестник» до сих пор не закрылся – в отличие от пяти других местных газет – господин главный редактор считал правильную работу с населением. Так называемую обратную связь. То есть – почту.

– Неужели вам это так интересно: разбирать каракули местной деревенщины? – выйдя из кабинета, спросила Эдуарда Николаевича бухгалтерша Наталья Васильевна, пышная разведенная дама средних лет. На ее ярко накрашенных губах играла легкая кокетливая улыбка.

Две недели назад она рассталась с очередным ухажером, не оправдавшим ее надежд, и теперь не могла смотреть равнодушно на бесхозного непьющего холостяка, с которым к тому же работала в одной организации. Она сновала вокруг господина главного редактора как хищная рыба вблизи добычи – готовясь совершить атакующий бросок. Но Эдуард Николаевич был настороже.

– Дорогая Наталья Васильевна! – проскрипел главный редактор. – Как вы думаете, сколько мог стоять хорошо обученный почтовый голубь в 1815 году?

Улыбка Натальи Васильевны увяла. А Эдуард Николаевич, напротив, оживился.

– Вы удивитесь, но в те времена один подобный голубь стоил не меньше, чем арабский скакун самых чистых кровей! Тем не менее, были любители, кто держал у себя целые голубятни. В Лондоне одним из таких был некто Натан Ротшильд, малоизвестный предприниматель.

Английское правительство привлекло его к финансированию военной компании против Наполеона. И вот, в момент, когда вся Европа, затаив дыхание, ожидала исхода битвы при Ватерлоо между войсками Наполеона и лорда Веллингтона, этот весьма прозорливый человек благодаря своей любви к голубям – а у него были английские и бельгийские почтари – ухитрился получить известие о разгроме французского императора на сутки раньше всех. Что позволило ему в течение одного дня, совершив несколько удачных сделок на бирже, заработать состояние в сорок миллионов фунтов стерлингов.

– Спекулянт, – пробормотала Наталья Васильевна. – А при чем тут голуби?

– Как вы догадываетесь, любовь к птичкам у господина Ротшильда была весьма прагматичной. Вплоть до 19 века, до повсеместного распространения телеграфа и телефона, голуби являлись самым быстрым средством доставки сообщений. И ключом к информации. «Тот, кто владеет информацией – владеет миром!» Знаменитое кредо дома Ротшильдов. Благодаря голубям...

– И что? И при чем тут?..

– А письма читателей, знаете ли, неиссякаемый источник любопытнейшей информации! Наталья Васильевна обиделась.

– Что вы мне голову морочите, Эдуард Николаевич? Сорок миллионов фунтов стерлингов?! Местные сплетни таких денег не стоят! Уж поверьте мне, как бухгалтеру. Я-то в курсе, какая у нас в Судожии может быть информация. Одно слово – тьфу! – Раскрасневшись, главбух поспешила покинуть редакцию.

Услыхав как внизу, на первом этаже, хлопнула тяжелая входная дверь, редактор Тунганов усмехнулся и занял свое рабочее место.

– Итак, приступим.

Эдуард Николаевич вывалил на стол письма из бумажного мешка, нацепил очки и принялся вскрывать конверты. Беззвучно шевеля губами, он стремительно прочитывал содержимое, делал пометки то красным, то синим, то черным маркером, и раскидывал письма по нескольким тематическим стопкам.

– Родился... Женится... Пьет... Переезд... Размен... Продам дрова... Крещение... – морща лоб, нашептывал себе под нос главред.

За окнами редакции густела вечерняя мгла. Эдуард Николаевич зажег настольную лампу и, низко склонившись над клавиатурой компьютера, увлеченно бормотал вслух, смакуя формулировки, пробуя тексты на вкус.

– В детскую больницу города Шарьи требуется кровь третьей группы... Ммм... Куплю или обменяю пианино на бензопилу...

Свет монитора подсвечивал синим худое лицо главного редактора и его длинные узловатые пальцы, летающие по кнопкам.

За его спиной на стене шевелились тени от фонаря, который раскачивал на улице ветер. Эдуард Николаевич ничего не замечал.

– Соседка зарезала черного козла и занимается вуду на площади коммунальной квартиры, прошу принять меры... Хи – хи-хи... А, вот! Свадьба состоится в храме Крестовоздвиженья... Скоропостижно скончался любимый муж и отец... Хе-хе... Свежачок, значит...

Господин главный редактор с увлечением работал, продолжая наполнять рубрику «Частности» для следующего выпуска газеты. В Судожском вестнике это была самая большая рубрика – в каждом номере она занимала не меньше полосы, а то и двух: реклама, объявления, вопросы читателей и ответы редакции, сообщения администрации и другие важные вещи.

Два часа пролетели незаметно. Эдуард Николаевич утомился. Он откинулся на спинку мягкого вращающегося кресла и зажмурился, чтобы дать отдых глазам. Но в этот момент тишина в здании взорвалась дребезжанием телефона.

Звонил допотопный аппарат из черного пластика с проводом у трубки, скрученным и перепутанным настолько, что ее неудобно было держать в руках. Эдуарду Николаевичу пришлось наклониться очень низко, чтобы приложить ухо к динамику.

– Судожский вестник. Тунганов у аппарата, – сказал он в трубку.

– Здравствуй, Эдик, – произнес тихий голос на другом конце провода. Голос лился мягко, бархатно, но у Эдуарда Николаевича ледяные мурашки забегали по спине и встопорщились все волосы на теле: ощущение было приятным и в то же время рождало неясную тревогу. Так волнуется пес, которому незнакомый человек кладет руку на загривок.

– Эдик, на завтра подготовь, пожалуйста, некролог. Сделаешь?

– Конечно! Не вопрос. Конечно, сделаю! Обязательно. Я никогда не...

– Некролог по поводу скоропостижной кончины Елены Николаевны Вольской. Мы сожалеем, и так далее. Причина смерти: гипертонический криз.

– Э... Надо же! Значит, она умерла?

– Еще нет. Но завтра умрет.

– А... в смысле? А как же?..

– Тебе об этом думать не надо. Она больше не понадобится. Мы справились. Ты ведь не сомневался в моих словах?

– Я?! Нет! О нет! Конечно, нет! Ни в коем случае!

– Хорошо. Значит, выразишь соболезнование от коллектива библиотеки, где она работала, и от администрации города. Все понял?

– Да. Да, я все понял! – подобострастно тараща глаза на черный аппарат, сказал Тунганов.

– Хорошо. Мы тобой довольны. Ты еще на месте?

– О да! Конечно! – с восторгом подтвердил Эдуард Николаевич. Тихий голос умолк, но перед тем, как собеседник положил трубку, главный редактор услышал довольное сопение и хлопанье. Эти звуки заставили его задрожать.

Он обмяк, обхватил себя за плечи, словно пытаясь согреться. Посидев так с минуту, он нагнулся, открыл ключом потайной ящик письменного стола, дрожащей рукой пошарил там, вынул какую-то пожелтевшую бумагу, поднес к глазам...

Перед ним запрыгали строчки, корявым детским почерком выведенные на листке школьной тетрадки в клеточку.

«Дорогая редакция. Повиниться хочу... Поговорить надо с кем-то. Потому как думаю – а вдруг это моя вина?.. Из головы не выходит... Если б не запои... Но как было не пить? Я тогда вернулся из Афгана. Мать умерла, жена ушла. Детей не нажил. Один был как перст... Нашел их в лесу. Маленькие они были, голодные. Пищали как кутята. Один из них запутался в силках, что я ставил на зайца, а другой сидел с ним рядом и скулил. Взял я обоих с собой и держал у себя. Клетка у меня во дворе большая – отец в ней когда-то кролей держал. Ничего такого я не думал, не загадывал надолго... Промашка случилась. Запил я ненароком. Вовремя зубастых не накормил, они и удрали. Потом вернулись, правда – зимой им в лесу голодно. Вот, а потом-то я узнал про машину на трассе. Испугался: никак, думаю, это они, мои подопечные нашкодили? Спрашивал у доктора – да он отмахнулся...»

Затрепанный листок был подписан именем Любима Голубева. Главный редактор Тунганов знал письмо наизусть, но ему было приятно держать его в руках, читать и перечитывать.

– А мы еще подумаем. Еще посмотрим, кто кого...

Лоб господина редактора покрылся испариной, руки вспотели. Внизу хлопнула дверь. В гулкой тишине пустого здания скрипнули деревянные ступени лестницы. Кто-то поднимался по ним на второй этаж – туда, где располагался кабинет главного редактора.

Тунганов поспешил спрятать письмо Любима Голубева. Трясущимися руками он замкнул ящик стола и убрал подальше ключ от него.

Неизвестный гость поднялся по лестнице и встал за дверью кабинета.

Эдуард Николаевич затаил дыхание. Он хотел заговорить, спросить – кто пришел, но слова застряли у него в горле.

На лестнице завопились. Раздалось тихое ворчание и под дверь кабинета снизу протиснулся палец – сухой и узловатый, серый, как ветка дерева... Эдуард Николаевич задрожал... На него навалилась непонятная апатия. Чем сильнее колотилось сердце главного редактора – тем тяжелее становились его руки и ноги, тем сложнее было сопротивляться внезапно напавшему расслабленному умиротворению. Морок туманил разум, сковывал мышцы.

Растянув губы в сонной, заторможенной улыбке, главный редактор поднялся, шагнул к двери и гостеприимно распахнул ее. И, отступив на середину комнаты, замер. С уголка распу-

ценных в улыбке полных губ потянулась тонкая струйка слюны, сползла на пиджак, намочила рукав. Главного редактора это ничуть не беспокоило: Эдуард Николаевич стоял посреди комнаты все с той же улыбкой и только слегка покачивался, словно камыш, колышимый ветром.

На стенах кабинета зашевелились тени, сползли с потолка вниз, опустились на плечи главного редактора. Сплелись с ним в тесный клубок.

Тихое бормотание и шепот зазвучали в комнате.

– Хкто... идет... по пустой лестнице... Да, шеф... Конечно, хозяин... Будет исполнено, мой господин...

Эдуард Николаевич ежился, хихикал, как девочка – пятилетка, когда ее щекочат. И задыхался от ужаса. Смерть засматривала ему в глаза, и он не смел отвести взгляд.

Глава 4. Следы

Дом я почувствовала еще издали: он ждал меня, поблескивая стеклами в сторону дороги. Маленький, кургузый осколок старины – все, что осталось от западного крыла давным-давно разрушенного дворянского имения. Здание это много раз перестраивали и переделывали, но архитектурной гармонии не прибавили. Дом выглядел нелепо, настоящий «кривой домишко».

И здесь осталась та часть меня, о которой я давно забыла: целлулоидный пупс из детства, прядь младенческих волос, школьные записки «Давай дружить», с размазанными от слез чернилами... И вдруг все это бросилось мне навстречу, знакомое и пугающе живое. Ты шепчешь: «Не может быть», а память лижет тебе руки и машет хвостом, и язык у нее теплый и шершавый, такой родной и настоящий, что ты содрогаясь.

Завидев знакомый резной балкончик, закрытый цветными стеклами – я замерла. Вспомнила запах нагретой на солнце пыли – она оседала на стопках прочитанных газет и журналов, которые мы выставляли туда с Лёлочкой.

Над крыльцом горела лампочка. Кто-то топтался у входа под козырьком, похожий на черную тень. Я сделала шаг, и он обернулся: высокий сутулый мужчина в черном пальто, с некрасивым, но умным лицом. Он курил, шурясь от дыма; невольно вздрогнул, и посторонился, когда с крыши съехал пласт мокрого снега. Ударившись о землю, снег рассыпался, обдав крыльцо фонтаном холодных брызг.

А черная тень не растаяла, подумала я. И вдруг узнала этого человека. Доктор Киржач.

– Игорь Ефремович! – окликнула я его, – Здравствуйте. Я – Дина.

Голос у меня дрогнул. Киржач придирчиво осмотрел меня.

– Да, это ты. Выросла, – признал он, наконец, без улыбки. Подошел, вынул у меня из рук дорожную сумку. По его замедленным движениям я догадалась, что он очень устал.

– Чего ж раньше не приехала?

– Я не знала! Не знала, что Лёлочка больна. Она только вчера позвонила.

– Позвонила? Вчера? А ты ничего не перепутала, Дина? Елена Николаевна уже три дня, как в морге.

– В морге?!

Деревянный порог, внезапно вздыбившись, прыгнул к самым глазам, и я увидела доски крыльца с истертой, осыпавшейся краской – близко-близко возле своего лица.

В узкой щели от выпавшего сучка, зацепившись еще крепким черенком за какую-то щепку, застрял коричневый полусгнивший лист березы и трепетал на ветру, словно маленький сигнальный флажок. И мне казалось, я слышу, как трещат и рвутся его ослабевшие прожилки под напором холодного сквозняка.

...Девочка ждала фею? А фею поймали и оборвали ей крылья.

Я пришла в себя от того, что по моим щекам похлопывали мокрым полотенцем. Открыв глаза, увидела испуганное лицо Киржача – крупное, с уныло нависающим носом в красных прожилках; курчавые темные волосы прилипли к вспотевшему лбу.

– Ну, барышня, даешь ты стране угля.

Толстая сердитая складка кожи, морщившая лоб доктора Киржача, расслабилась и опала: Игорь Ефремович, убедившись, что я пришла в себя, вздохнул с облегчением. Но тут же снова лоб его пошел буграми, и он принялся меня отчитывать:

– Ты что же это, барышня? В голодные обмороки падаешь?! Вон тощая какая. Это что, диеты у вас московские или ты пост траурный затеяла?

– Игорь Ефремович... А как же... Кто же...

– Ой, божечки! Оживела? Ну, слава тебе, царица небесная! – раздался шепелявый старушечий голосок и я, подняв глаза, увидела толстую желтолицую бабку в синем шерстяном платье – сарафане. Она протягивала мне граненую стопочку с какой-то густой багровой жидкостью.

– А я тебе, Дина, наливочки принесла. Пей!

Бабку я узнала сразу – Клавдия Михайловна, соседка. В конце Школьной улицы всего два дома; наш слева, ближе к дороге, Клавдии Михайловны – справа, в глубине.

Я даже фамилию бабкину вспомнила: Синькова. Старший ее сын утонул, когда ему шестнадцать было – давно, я его и не знала. А младший, Костик, учился со мной в одном классе, и потом – Лёлочка рассказывала – служил в армии на Дальнем Востоке, там и осел, семью завел.

Бабкин муж, Николай Алексеевич, пропал как-то странно – в 72 году уехал шабашить на стройку в соседней области и домой не вернулся. Что с ним случилось: сгинул или сбежал, соседка не говорила. А Лёлочка из деликатности и не расспрашивала: захочет – сама скажет, а нет – не нашего ума и дело.

С тех самых пор Клавдия Михайловна жила одинокой бобылкой. Уж ей больше восьмидесяти, я думаю. Куда старше моей Лёлочки, а вот жива, скрипит помаленьку, вечная бабка, ничего ей не делается. А Лёлочка... Перед глазами у меня снова все поехало, замелькали черные мухи, и странно сузилось зрение.

«Три дня как в море», сказал Киржач... Стоп. ТРИ ДНЯ. Но тогда кто же мне звонил? С кем я разговаривала?!

– На-ка, выпей-ка, – бабка сунула принесенный стопарик мне прямо под нос. Багровая густая жидкость в нем пахла приятно – чем-то ягодным и сладким, вроде домашнего варенья. Я села. Оказывается, я лежала на диване в той комнате, которую мы с Лёлочкой торжественно называли «залой». Приняв у бабки стопку, выпила содержимое одним махом. Мне сразу обожгло рот и перехватило дыхание – «наливочка» оказалась крепкой, не меньше половины ее составлял, наверное, чистый спирт.

– Ничего себе! – горло загорелось так, словно туда плеснули напалмом. Кровь бросилась мне в лицо, стало жарко, и я села, спустив ноги на пол. Дышать я могла только через рот. – Что вы туда вбухали?!

– Это бальзам. На травах, на ягодках. Боярышник, вишневый лист, зверобой... – зашамкала бабка.

– Можно воды?! Пожалуйста!

– Да, да!

Игорь Ефремович вскочил, подал мне стакан воды из стеклянного графина с позеленевшим дном, который стоял на столе. Я выпила и обвела глазами комнату.

Кроме того, что в квартире не было теперь ее хозяйки и домохозяйки – ее души... других перемен я не заметила.

Все в зале было, как раньше, когда я еще жила здесь.

Занавески с большими тюльпанами на окнах. Фарфоровые часы на комод. Гобеленовый коврик с оленями у дивана. Репродукция Айвазовского в золоченой дешевой рамке. Фотографии отца, матери и мои детские – над комодом. Полосатые половики на дощатом крашеном полу. Сколотая местами плитка на голландской белой печи.

Когда в городе провели центральное отопление, большинство домовладельцев разобрали свои печи, освобождая жилплощадь от убогого элемента сельского быта. А мы с Лёлочкой печку оставили. И потом нарадоваться не могли, затапливая ее по собственному желанию и хотению промозглыми осенними вечерами, когда центральную котельную еще и не думали греть – ведь по отчетным чиновничьим бумагам до наступления сезона было еще далеко, а по истинным погодным условиям дом вымерзал.

Интересно, запасла ли Лёлочка на зиму дрова? Дрова мы держали в сарае во дворе, а небольшую вязаночку на одну растопку подсушивали на кухне у плиты, в деревянном коробе.

Я хотела встать, но Игорь Ефремович меня удержал.

– Нет уж, девица – красавица, ты лучше пока еще посиди. Сейчас Клавдия Михайловна сготовит тебе чего-нибудь покушать, а потом посмотрим. Тебе после обморока лучше отдохнуть.

– А как же Лёлочка? Как по... похороны?

Выговорила все-таки это мерзкое слово. Выгнала его из себя сквозь зубы, и рот тут же свело оскоминой, а глаза защипало, будто песка в них швырнули.

Игорь Ефремович потрепал меня по плечу.

– Ничего, ничего. Не волнуйся. Елену Николаевну в городе уважали. Администрация выделила средства, коллеги ее позаботились уже обо всем. Отпевание, поминки – всё будет. Ты постарайся до завтрашнего дня сил набраться. В четверг... похороны.

Он отвернулся, поморгал и набросился вдруг на старуху, которая, с жалостливо сморщенным лицом стояла надо мной все с тем же опустевшим стопариком в руках.

– Клавдия Михайловна! Что ж стоишь-то? Помогай, корми девчонку!

– Да, да!

Бабка, переваливаясь, поспешила к дверям.

– А я пойду, Дина, – сказал доктор. – Мне выпастись надо. С дежурства.

– А как же?... – вскинулась я, но он меня остановил:

– Завтра. Все завтра. Сегодня отдыхай. Может, Анна Гавриловна позвонит еще – из библиотеки, помнишь ее?

Я кивнула.

– Ну, будь. Держись, девица.

Доктор кивнул мне и вышел. Я услышала, как хлопнула дверь квартиры, а спустя пару минут – входная внизу.

Я закрыла глаза и ненадолго заснула, будто провалилась. Наверное, сказалось нервное перенапряжение последних суток.

Потом пришла Клавдия Михайловна, притащила яичницу с луком – целую сковородку. Мы вместе сели за стол, и я неожиданно для себя с ужасным аппетитом съела почти всю яичницу, закусывая черным хлебом. Я и забыла, какой он душистый, со слегка кисловатым вкусом мякоти и толстой коркой – настоящий ржаной хлеб. Давно не ела такого.

Клавдия Михайловна только для виду поклевала чуть-чуть. И сразу вскочила, побежала ставить чайник. Схватила пустую сковородку – вымыть. Но я не дала – мне захотелось самой. Мы заспорили, обе вцепились в посудину. И так и ввалились втроем в кухню: я, соседка, и ее сковородка. Приклеились. В какой-то сказке что-то похожее было. Я вспомнила – и засмеялась. Клавдия Михайловна – вслед за мной.

А потом я увидела на окне в большой коричневой кастрюле Лёлочкин старинный бальзамин. За любовь к воде это растение называют в народе «Ванькой мокрым». Увидела – и смех у меня пропал.

Лёлочка с этим растением, как с живым, разговаривала. А вот теперь он стоял с почерневшими ветками, с повисшими, как тряпичные лоскутки, безжизненными листьями. Множество их опало, усеяв подоконник. «Ванька мокрый» скорбел по своей хозяйке. Мне стало страшно. Будь Лёлочка жива – она не допустила бы, чтоб ее любимый «Ванька» так увял. «Значит, ее нет? Нет!», – вспомнилось мне, и в висках застучала кровь, стало тяжело дышать.

Не думать. Единственное сейчас спасение – не думать ни о чем.

Я схватила стакан, набрала воды и плеснула в кастрюлю с цветком.

– Не поможет. Это ж он не высох. Это померзло всё! – вздохнула за моей спиной бабка.

Я обернулась:

– Как померзло?

Клавдия Михайловна пожевала сухим проваленным ртом и, будто нажевав каких-то мудрых решений, объявила, перекрестившись:

– Так я Леночку, Царство ей небесное, покойницу, как нашла-то? Вечером зашла к ней, валидолу попросить... И еще с лестницы почуяла: сифонит! Подхожу – а из-под двери так и тянет сквознячком! Я бегом к ней стучать, а у ней и не закрыто. Вошла я. Зову ее: Лёля, Лёля! Никто не отвечает. Темно. Я опять – Лёля да Лёля...

Я уже пожалела, что начала расспрашивать бабуку. Всякий раз, как она произносила дорогое имя, во мне словно лёд трещал. И черная холодная вода захлестывала сердце.

– Ну, я вошла, свет включила – гляжу: матушки-светы! На кухне окно нараспашку, ветрильник по дому гуляет, Лена мертвая на полу лежит, а на подоконнике – грязи!

– Ка...кие грязи? – не поняла я.

Бабука зачем-то перекрестилась и беспокойно зыркнув на меня глазом, показала, потыкав в воздухе руками:

– Следы. Грязные. Будто ходил кто.

– Кто ходил? На подоконнике?! Птицы, может.

Бабука замялась. Замотала головой.

– Не, не птицы. Не похоже.

– Может, кошки? – предположила я. – Коты лазали...

– Может, и коты, – согласилась бабука, снова крестясь. – Только не похоже... Да и не держит у нас по улице никто котов-то. У Власовых же, где магазин, бобик-кабысдох – он всю эту живность на корню изводит! Как у позатошнем годе котят сожрал у Кузнечихи, так и...

– А куда же эти следы делись теперь? – спросила я, подойдя и осмотрев окно. Через стекло виден мне был и карниз, абсолютно чистый и мокрый, с лужицами недавно растаявшего снега.

Бабука уставилась на меня.

– Так я ж все зараз отмыла. А иначе – как же ж? Когда в доме покойница?

Я взглянула на бабуку. Она таращилась, искренне недоумевая, что за странные вопросы ей задают. В глубоко запавших сонных глазах проблескивал какой-то суетливый безумный огонек, отчего мне тут же расхотелось ее допрашивать.

Следы? Примерещилось, наверное, бабуке. В ее возрасте не удивительно. А вот что случилось со мной?.. Странное расхождение во времени смерти тети, странная ситуация с телефонным звонком...

Из головы не выходили слова доктора. Киржач был совершенно уверен, что Лёлочка не могла звонить мне вчера ночью. А доктор не из тех людей, кто способен на гнусные шутки да розыгрыши. Но ведь я могу поклясться, что говорила именно с Лёлочкой! Мне ли ее голос не знать?

– На ручки было похоже! – сказала вдруг бабука из-за спины.

– Что? – не поняла я. – Какие ручки?

– Ну, так... Следы-то. Будто дети ладошками хватали. Понимаешь?

Нет, ничего я не понимаю. Чертовщина какая-то.

Глава 5. Любим

Любим – таким допотопным имечком его наградила мать.

В деревне о Валентине Голубевой только ленивый не сплетничал: дескать, вот дура – сошлась с каким-то городским шабашником, тот ее обрюхатил да бросил. А на что ему деревенская давалка, которая на первого встречного повелась? Над Валентиной смеялись. И в глаза, и за глаза.

А она, словно не от мира сего, на чужие насмешки не обращала внимания: растила сына одна, играла с ним, покупала умные книжки, гордилась, какой он крепкий да здоровый, словно наливное яблочко. Не в пример многим деревенским ребятишкам из полных семей, да с отцами-алкоголиками.

«Любим – потому что любимый! Самый ты у меня, сынок, лучший на свете! – объясняла сыну Валентина. – А то, что папки у нас нет – ну так что ж! Не у всех бывают. Отец твой хороший человек, если б мог, конечно, с нами бы остался. Да только он не мог. Такая уж доля ему выпала, что ж поделаешь? Это ничего, это мы сами сдюжим».

И «дюжила». Впахивала за двоих, лишь бы сын ни в чем не нуждался. Неизмерима была Валентинина радость, когда Любим с красным дипломом окончил ветеринарный техникум и вернулся в родной колхоз работать на ферме. А спустя полгода женился на тихой симпатичной девушке из города по имени Регина, родили они Валентине внучку Катеньку и, казалось, счастье не покинет Валентинин дом уже никогда.

Но все это, конечно, оказалось иллюзией. Великая Майя – и счастье, и горе – всё иллюзия; только в одно никак не хочется верить, а в другом – слишком больно разувериться.

Весной 86 года Любима Голубева призвали в армию. И как самого крепкого по здоровью – единственного из всего района – отправили в Афганистан. Уговорили отдать долг родине. И только спустя полгода выяснилось, что в военкомате бумаги перепутали: взяли Любима Голубева, единственного сына у матери, кормильца семьи вместо Леонида Голубева, сына председателя колхоза, двадцатилетнего шалопа, подавшегося вскоре в город вслед за старшими братьями. Ходили слухи, что бумаги военком перепутал не просто так, а за большие деньги и подаренную председателем очередь на покупку «Волги»... Однако вскрылось это не сразу, а когда начались разбирательства – для Любима, Валентины, Регины и Кати это не имело уже никакого значения: при проведении крупной общевойсковой операции «Манёвр» ефрейтор медицинской части Любим Голубев пропал без вести в провинции Кундуз.

О его судьбе никто ничего не знал вплоть до ноября 1992 года, когда он вновь появился в родном селе – исхудавший, больной, контуженный. В документах его было написано, что он побывал в плену у моджахедов, но сам Любим ничего о том никому не рассказывал.

Валентина Голубева сына не дождалась: скончалась от рака желудка в районной больнице. Жена, Регина, не дождалась тоже: не выдержав трудной деревенской жизни, уехала вместе с дочерью в район, к родителям, а оттуда подалась за лучшей долей в столицу, и там следы ее затерялись.

Только в 2000 году Любиму пришло письмо из нотариальной конторы Владивостока – запрос на разрешение выезда в Китай несовершеннолетней Екатерины Любимовны Голубевой в сопровождении матери, Регины Алексеевны Шаровой в период с 15 мая 1999 года по 15 августа 1999 года.

Письмо нотариуса опоздало на год. За время, пока оно блуждало по просторам самой большой страны мира, Регина Алексеевна успела заочно развестись с мужем, выйти замуж за гражданина КНР Ли Сунлиня и отбыть на родину нового супруга вместе с дочерью, несовершеннолетней Ка Дзя Ли, усыновленной Сунлинем.

Жизнь для Любима Голубева стала совсем другой. И он стал другим.

– Не Любим ты, а Нелюдим! – сказал ему с обидой Егор Матвеевич – тот самый председатель колхоза, который за своего сына, Леонида Голубева, военкому взятку давал. В Гусевке половина села носит фамилию Голубевы, но родственность между некоторыми семьями была настолько дальней, что большинство Голубевых Егор Матвеевич давно считал лишь однофамильцами. Оно так и удобнее было.

Однако за разрушенную жизнь Любима Голубева Егор Матвеевич все же испытывал некоторое свербение в душе. Потому и пришел как-то раз в опустевший дом Любима – навесить. Поговорить с человеком, пообщаться. Бутылку водки принес.

А Любим взглянул на председателя светлыми лучистыми глазами, поморгал и будто не понял, чего от него хотят. Руками развел: не пью. На вопросы и уговоры улыбался только, да отмалчивался.

Егор Матвеевич неловко потоптался на пороге, потыркался... И ушел, не солоно хлебавши. Свербение в нем только усилилось.

Когда колхоз развалился, для большинства жителей села работы совсем не стало – перебивались, кто чем мог. Один Егор Матвеевич устроился хорошо: убыл на пенсию, прихватизировав энное количество земли, колхозной недвижимости и часть парка МТС. Однако последним перед уходом деянием Егора Матвеевича стало трудоустройство Любима Голубева на единственную ставку в Старицком лесничестве. Зарились на нее одиннадцать мужиков из местных, но Егор Матвеевич похлопотал – и Любим Голубев неожиданно для самого себя получил «тепленькое» место лесника. Он так и не узнал, кто был его таинственным благодетелем. Да это его и не интересовало.

Дела новой службы поглотили все его время и силы.

Хотя и повел он эти дела вовсе не так, как предполагали те, кто его на это место поставил.

Старый УАЗ-452 болотного цвета, покрытый ржавчиной, как жираф пятнами, ревел мотором, преодолевая последний снежный занос на пути к цели. Рыхлая снежная каша, искрясь, летела из-под колес, расстреливая многострадальное днище «буханки» ледышками, песком и мелкой галькой.

– Спокойнее, спокойнее, – посоветовал доктор Киржач, сидя рядом с водителем, – акселератор посадите!

Человек за рулем даже головы не повернул, яростно выжимая педаль газа. Доктор покашлял и вкрадчиво осведомился:

– Куда-то торопимся?

– Это вы тут сидите, как клопы в ковре, – ответил водитель. – А мне рассусоливать некогда...

– Тем не менее, акселератор советую поберечь, – сухо сказал доктор. И примирительным тоном добавил:

– Пойдемте лучше пешком. Осталось всего метров триста. Так и для здоровья полезнее...

Водитель уставился на доктора испытующим взглядом. Тот рассмеялся:

– Идем, идем! Где наша не пропадала?.. Аха-ха! Шутка.

Хихикая, доктор выбрался на дорогу и зашагал, по-журавлиному вскидывая ноги, перепрыгивая через покрытые тонкой коркой льда лужи в глубоких колеях.

Водитель заглушил мотор, что-то бурча себе под нос, аккуратно подхватил за лямки рюкзака с заднего сиденья УАЗа, закрыл машину и поспешил за доктором.

– Имейте в виду – вы гарантировали мою безопасность! – нервно оглядываясь по сторонам, сказал он. – В моей организации...

– Послушайте, если не доверяете мне, зачем поехали? – скучающим тоном откликнулся доктор. – Если страшно, к чему тогда...

– Можно подумать, вам не страшно! – огрызнулся собеседник. – Не мелите шелухи! У меня есть свои резоны. И, кроме того, обязательства.

– Чепухи.

– Что?!

– По-русски говорят: не мелите чепухи. Шелуха – неправильно. И мы, кстати, почти пришли, – сказал доктор, свернув с дороги на малоприметную утоптанную тропинку, ведущую к заваленной снегом избушке.

– Демагог, – прошипел в спину доктору его спутник. Подкинул плечом рюкзак (внутри тонко звякнуло стекло), поправил лямку и зашагал по следам медика, стараясь не отстать и не ухнуть в ноздреватый, проваливающийся под ногами подтаявший снег.

– Люба! Встречай! Гости на пороге! – подойдя к двери избушки, доктор постучал по ней кулаком. Никто не откликнулся. – Нет его здесь. В сарае, должно быть. Пойдите, я схожу... Секундочку!

Киржач сбросил на крыльцо черную спортивную сумку, висевшую на плече, и направился в обход избы на задний двор, не обратив внимания на то, как побледнел пришедший с ним человек, и как рука его нырнула за пазуху, во внутренний карман пуховой куртки с круглой нашивкой «Canada Goose».

– Я быстро! – крикнул доктор.

Дощатый сарай позади дома стоял с распахнутой дверью. Утоптаный перед входом снег алел свежими пятнами крови. Прежде, чем подойти ближе, доктор прислушался.

Из сарая доносилось жадное чавканье, всхлипы, тихий смех.

– Люба, ты здесь? – позвал доктор. Правую руку он сунул в карман. – Выходи! Я тебе гостя привез!

– Зачем?

На порог сарая вышел одетый в тельняшку и камуфляж невысокий мужик с лицом деда Мороза – добрым и румяным, с глазами светлыми, как весенние льдинки.

Обтерев ладони ветошью, он кивнул доктору, и мужчины пожали друг другу руки.

– Ну, как твои подопечные? – поинтересовался Киржач.

– Ничего. Покушали, – сказал Голубев, улыбаясь и часто помаргивая белесыми ресницами. – Кушают хорошо.

– Заметил, – коротко бросил доктор, разглядывая брызги крови вокруг сарая. Любим Голубев стеснительно улыбнулся.

– Анализы надо взять, – сказал Киржач.

– Опять?! Зачем?

– Надо, Любим. Ничего не поделаешь. Наука требует. Генрих Францевич, идите сюда! – позвал доктор. Из-за угла избы показался Генрих Францевич. Вытянутая лысая голова его торчала из белого пуховика марки «Канадский гусь» как березовый чурбачок в прогалине сугроба.

– Смелее, Генрих Францевич!

– Я ничего не боюсь, Игорь Ефремович, не выдумывайте, – прошипел гость, направляясь к сараю со своим рюкзаком. Правую руку он продолжал держать близко к пазухе.

– Я ж только что покормил, – растерянно сказал Любим. – Вот только-только...

– Вот и хорошо. Смирнее будут, – успокоил доктор. – Все в порядке, Любим, не напрягайся! Солдат ребенка не обидит. Клетку закрыл?

– Да.

Улыбаясь, доктор хлопнул Любима по плечу и вместе с Генрихом Францевичем вошел в сарай.

Спустя пару минут из сарая раздался визг, полетели вопли, крики и жалобное верещание. Любим скрипнул зубами, зажмурил глаза, зажал уши ладонями. Крепкие мускулистые пальцы, сами собой стиснувшись в кулаки, побелели.

- Держи, черт, крепче! Голову держи!
- Ах, ты сука...
- Шокером его, давай!
- Сейчас я тебе покусаясь, тварь!..
- Нет!

Любим бросился в сарай, схватил за руки доктора, расвирипевшего Генриха Францевича.

- Оставьте! Не трогайте! Не надо, пожалуйста!

Поднялась возня. Его оттолкнули, впопыхах задев чем-то тяжелым по лбу.

Любим Голубев упал, прикрыл голову руками и заплакал.

- Зачем?! Живые же души...

Больше он не пытался помешать своим гостям: лежал и, прижав руки к груди, тоненько поскуливал. Слезы текли по круглым розовым щекам.

Закончив работу, доктор Киржач опустился на корточки рядом с плачущим Любимом Голубевым. Вздыхнул.

– Дурачок ты, Люба, дурачок. Горе луковое. И что с тобой делать?! Нашел «живых». Нашел «души».

Генрих Францевич, хищно вздрагивая ноздрями, как породистая лошадь, выигравшая скачку, упаковывал обратно в рюкзачок принесенные с собой инструменты и склянки с образцами.

Любим Голубев лежал, скрючившись, на полу сарая и рыдал, тяжело вздрагивая спиной. Доктор сидел рядом и гладил его по голове.

Глава 6. Кто идет по пустой лестнице?

Во сне я опять плакала. Мне приснился сторбленный старик и двое маленьких детей с ужасно бледными лицами. Они глядели на меня из окон какого-то красивого дома. И дом этот рос, очень быстро: я стою внизу, а лица детей и старике всё дальше и дальше от меня, а я – проваливаюсь, ухожу под землю... Бестолковщина, но весьма неприятная.

Открыв глаза, я обрадовалась, увидав знакомые с детства выцветшие обои, репродукцию Айвазовского на стене, старый комод...

Чувство грозной неминуемой опасности, мучавшее меня во сне, отступило. Чего бояться, если сейчас заскрипят половицы, и, как обычно, в комнату заглянет Лёлочка:

– Динка, лентяйка, а ну подымайся скоренько. Четверг! Идем на рынок!

По четвергам в городе ярмарка. Мы с Лёлочкой покупаем молоко и творог у местных фермеров. Сегодня четверг... И... Сегодня похороны.

Сон внезапно развеялся. Лёлочка!..

Заслоны, возведенные в мозгу измученной психикой, пали, и предыдущий день встал передо мной во всей своей неприглядности. О, господи!

Говорят, время лечит. Чепуха. Что тут вылечишь? Когда память болит, часть души, ее сохраняющая, просто отмирает: мы, как ящерицы, откидываем этот хвост мыслей, чувств, привязанностей. Время тянется, рубцует открытые раны, схватывает наши немощи, словно гипс. Фиксирует их. И мы бежим дальше, уже слегка инвалидами. Мы продолжаем жить.

Грудь стиснуло болью. Дыхание сбилось. Я бы зарыдала, но раздался звонок в дверь. Это, наверно, доктор. Или Анна Гавриловна. С известием о Лёлечкиных похоронах. Надо встать и открыть. Ведь до сих пор ничего не знаю – что, как. Надо что-то делать...

Вскочив с диванчика, где я спала одетая, понеслась в прихожую. Немного повозившись с замком – что-то в нём заело – распахнула дверь.

На пороге стоял незнакомец. Щуплый, небольшого роста, элегантно одетый пожилой мужчина с черными мышинными глазками и великолепной седой шевелюрой. Увидев меня, он снял шапку и грустно улыбнулся.

– Здравствуйте, Дина... эээ... Сергеевна! – сказал он. – Я – главный редактор «Судожского вестника», Эдуард Тунганов. Эдуард Николаевич. Я... эээ... насчет некролога... Можно войти?

– Да, конечно. Пожалуйста, – я отступила в прихожую, давая гостю дорогу. Он потоптался у входа, вытирая ноги о коврик, и шагнул в квартиру. По пути зацепился плечом за косяк.

Тонкий, изящный, с располагающим интеллигентным лицом, он напомнил мне какого-то артиста, но я так и не смогла вспомнить – кого именно. Гость странно двигался – словно у него были проблемы с подвижностью суставов или, может, координация движений нарушилась в связи с болезнью. Стеснительно оглядываясь и потирая руки, он, очевидно, испытывал затруднение, не зная, как начать разговор.

– Прежде всего – примите соболезнования! Елену Николаевну... Вашу тётушку... все так любили в городе!

– Да... Я понимаю. И... что вы хотели? – голос мой дрогнул, но я сохранила самообладание. Лёлочка не одобрила бы, расплачься я сейчас. Я ни разу не видела тетю раскисшей или сломленной. Думаю, от своей племянницы она ожидала бы такой же твердости.

– Не хочу вас утомлять, вам трудный день предстоит... Меня, собственно, Анна Гавриловна просила зайти. Собственно, вот.

Гость расстегнул пальто, достал из внутреннего кармана сложенную газету и развернул передо мной последнюю страницу с небольшим объявлением под заголовком «СКОРБИМ И ПОМНИМ». Из чёрной рамки на меня строго глянула Лёлочка.

– Похороны состоятся в 17.00 на кладбище у Крестовоздвиженского храма. На Васильевской горке. Поминки – в зале школьной библиотеки. Анна Гавриловна просила передать, чтоб вы не беспокоились: всё устроено, в том числе финансово, – сказал Тунганов.

Я кивнула. Взяла газету.

– Спасибо.

Я ждала, что гость уйдет, а он всё мялся, разглядывая комнату, потерянно улыбался и молчал.

– Скажите, Дина... Сергеевна... Вернее... Не знаете ли вы? Мне неловко вас беспокоить...

– Да что такое? – Что ж он так мнется? Или моя Лёлочка ему денег задолжала? – Говорите же!

– Видите ли, эээ... Елена Николаевна по моей просьбе искала в городском архиве кое-какие документы... Для исторической рубрики. Я, знаете ли, фанат своего дела. Так сказать – никто, кроме нас...

– Документы? Какие документы?

– Да мы, понимаете ли, эээ... в газете рубрику сделали: «Родная история». Некоторым образом, исторические хроники Судож и окрестностей. Елена Николаевна, как единственный наш специалист-архивист в городе, принимала горячее участие. Вот я и подумал... Мне кажется, это было бы уместно... Своего рода продолжение дела... Так сказать, в память и всё такое...

– Пока я не очень вас понимаю, – честно призналась я. – Документы? Тётя сказала, что уже нашла их? И принесла домой?

– О да! Она нашла их. Они точно были у неё, в этом я абсолютно убежден. Но вот где они... Это хотелось бы, конечно, установить... Удостовериться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.